

Аусе, Юниш и Флоки

I

«Когда на площадь городка (назовем его Кюкенштадт и будем считать — судя по архитектуре и вывескам магазинов, — что расположен он в Нижней Саксонии) опускается ночь, жизнь здесь начинает течь тем особым манером, который весьма характерен для подобных местечек после полуночи. Все в городишке становится так удивительно тихо, что он смахивает на спальный корпус в летнем лагере для послушных детей: дома, укутанные по самую крышу темнотой, покоятся каждый на своем месте, шепотки о дневных заботах и приключениях смолкли — мальчуган с зонтом заключил городок в свое царство.

И хотя он уже продолжил свой захватнический набег далее на запад, крошка Кюкенштадт не брошен в хаосе сновидений: в центре площади, оберегая покой горожан, возвышается статуя. Она изображает цыпленка на бегу: шея вытянута вперед, голова задрана к небу, клюв распахнут, куцые крылышки растопырены в стороны.

В черном мраморе отражается голубой месяц — словно свет ночника, оставленный для боящихся темноты детей.

Городок как раз и назван в честь этого цыпленка. И несмотря на скромные размеры (он едва ли раз в семь превосходит своего живого собрата, а это, согласитесь, не ахти какая величина), ему удается обеспечить жителям Кюкенштадта сон куда поспокойней того, что большинство святых хранителей крупных городов в состоянии предложить своим клиентам. В сердцах спящих кюкенштадтцев еще жива память о том, как этот малыш спас их предков от страшной участи быть растерзанными свирепым великаном-берсерком, который в былые времена бродил по континенту, уничтожая все живое на своем пути.

И если бы история моей жизни не начиналась в городке, что обязан своим существованием маленькому любознательному цыпленку... да, если бы она не начиналась именно здесь, в этом выходящем на площадь трехэтажном здании, мы бы просто бесшумно выскользнули из спального

корпуса под названием Кюкенштадт и тихонько затворили бы за собой дверь.

* * *

Из глубин здания доносятся стоны — их способно различить чуткое к домам ухо. Однако это не стенания больных и страждущих, о нет! Это протяжные вскрики высшего блаженства, крещендо сексуальной кульминации, звучные придыхания, сопровождающие пылкие покусывания шеи и страстные потискивания ягодиц».

«Так это что, бордель какой-то?»

«Фасад здания густо увит плющом, который раступается под окнами и висящей над входом вывеской: GASTHOF VRIESLANDER, а под самым кровельным свесом заплетается в такой плотный клубок, что, кажется, вот-вот поднимет в воздух крышу».

«Подними ее! Мне хочется заглянуть внутрь, посмотреть, кто там стонет!»

«Сейчас здесь уже не бордель, а обыкновенная гостиница, и управляет ею одна добропорядочная супружеская пара, бросившая хозяйство в деревне и уступившая свои земли под строительство автотрассы. Денег за это они выручили всего ничего, но с Божьей помощью и удачей — когда Партия всерьез взялась за улучшение нравов населения — им посчастливилось по дешевке приобрести сие прибежище греха».

«Ну, поднимай же крышу!»

«Тогда закрой глаза. Представь себе площадь, цыпленка и здания вокруг, в том числе — Gasthof Vrieslander с плющом и крышей. Представила? Хорошо! Нет-нет, не открывай пока глаза! Теперь я просуну руку сквозь твой лоб — да, можешь наморщить его, если хочешь... Видишь, как моя кисть зависла над площадью, словно лапа чудовища — бледно-серая в призрачном свете уличных фонарей и луны, застывшей над церковью?»

«О, Боже, как странно выглядит твоя ручища — такая огромная! У тебя длинные ногти, я раньше этого не замечала...»

«Гсс, сосредоточься! Смотри: я нажимаю большим пальцем под карниз, обхватываю крышу сверху и приподнимаю ее — очень аккуратно, чтобы не отломать дымоход...»

«Да-да, конечно! Мы же не хотим никого разбудить!»

«Затем, плавным движением руки в запястье, я заносу ее над площадью и осторожно там опускаю. Теперь у цыпленка над головой появилась крыша, но главное: он не видит, чем мы тут с тобой занимаемся. Слышишь, как он там, под крышей, заходится от любопытства: “Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?”»

«О, он такой славный!»

«Ты не переживай за него, он скоро устанет возмущаться и уснет, засунув клюв под крылышко».

«Спокойной ночи, малыш!»

«Ну вот, цыпленок засыпает, а мы продолжаем осматривать дом. Видишь, как я засовываю свои

длинные ногти в шов между фронтоном и фасадной стеной?

«Да, вижу...»

«И тяну стену к себе?»

«Да! Там еще что-то похрустывает в швах — точно сахарный клей!»

«А сейчас я отделяю стену от дома и тоже укладываю ее на площади...»

«Теперь гостиница — словно кукольный домик!»

«И правда похоже... Вот здесь, на первом этаже, расположен вестибюль для приема гостей и вход в контору; та дверь, что напротив стойки, ведет в столовый зал, а эта, с овальным окошком, — на кухню. Как видишь, ничего неприличного здесь не происходит, гости благопристойно почивают в своих кроватях на всех трех этажах, а уставший за день персонал гостиницы мирно посапывает наверху, под мансардными стропилами».

«А что за звуки доносятся из конторы? Мне кажется, там кто-то тяжело дышит, вздыхает и охает».

«Да, действительно, что-то такое оттуда слышится. Ну-ка, заглянем к этому вздыхателю...

У письменного стола в глубоком кожаном кресле сидит рыжеволосый подросток и, согнувшись над пожелтелыми фотографиями пышнотелых девиц, наяривает рукой у себя в паху...»

«И кто же сей бесстыдник?»

«Это гостиничный посыльный, мальчишка на побегушках, сирота, супруги привезли его с собой из деревни и приспособили к работам, которые никому другому делать не хочется».

«А как он связан с твоей историей?»

«Да он, бедняга, всего лишь второстепенный персонаж, но это прояснится позже. Я пока еще не саму историю рассказываю, а описываю место ее действия. Итак, когда ты смотришь на открытый

вот так дом, не бросается тебе в глаза что-нибудь необычное?»

«А что должно бросаться?»

«Ну, посмотри получше! Сколько, например, комнат на каждом из этажей? Давай, сама смотри, больше ничего подсказывать не буду!»

«Подожди-ка...»

«Вот если я подниму верхнюю часть дома, чтобы можно было рассмотреть весь второй этаж сверху, как лабиринт, — что ты видишь?»

«Ах вот ты о чем! Теперь понимаю!»

«В номерах на втором этаже Gasthof Vrieslander есть замаскированные обоями потайные двери. Они открываются в петляющий узенький проход, ведущий к пасторскому тайнику* — небольшой каморке, спрятанной

* Во времена преследования католической церкви в домах устраивались потайные комнатки для сокрытия священников. (Здесь и далее примечания переводчика.)

за внутренней стеной комнаты номер двадцать три. Когда-то эта каморка служила укрытием для духовных и светских властителей городка, а также и для многих других, кому не пристало показываться прилюдно в компании дам легкого поведения. Во владениях Маман было множество разных помещений для удовлетворения желаний ее чад, однако ни мэру, ни священнику не было известно, что другие гости борделя за хорошенькую сумму могли подглядывать за столпами общества через глазок в стене комнаты номер двадцать три, и поэтому размеры жезлов их правления были в Кюкенштадте у всех на устах».

«Ой, а это кто? Смотри, она скрылась там за углом! Или это был мужчина?»

«А ты, оказывается, внимательный слушатель! Это как раз один престарелый постоялец гостиницы. В историях, где главную роль играют дома, часто фигурируют старики».

«Уж больно он какой-то женоподобный в этой ночной сорочке, да еще и выставленные вперед руки к груди поджал — словно заяц...»

«Вот тут ты в самую точку попала! Старика зовут Томас, а фамилия у него — Хазеарш, что в переводе означает «заячья задница», и живет он в этом доме с мальчишеских лет».

«Тогда ему наверняка есть что рассказать о временах, когда гостей в номерах ожидала не только грелка в постели!»

«Подожди, я поймаю его... А ну, дедуля, иди-ка сюда, постой здесь, у края, чтоб нам тебя было видно...»

«Да он спит!»

«Да, он — лунатик и бродит во сне по потайным ходам, словно призрак из английского бульварного романа, а иногда еще и бормочет себе под нос, и тогда, скажу я тебе, в выражениях не стесняется».

«О, Господи, представляю, как жутко постояльцам гостиницы просыпаться от доносящегося сквозь стены непристойного шепота!»